

ДАХИН Андрей Васильевич — д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603009, Россия, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 46; ADakhin@vvpaa.vvags.ru)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ, ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ

Часть 2

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы структурного строения и трансформаций современного общества в свете концепта региональной стратификации. Рассматривая современные тенденции трансформации социально-культурных, экономических и политических пространств в современном евроазиатском мире, автор делает акцент на роли суверенитета государств, а также на определении таких фундаментальных факторов региональной стратификации, как структуры коллективной памяти и идентичности. Показано, что в сочетании с другими экономическими и политическими факторами коллективная память и идентичность могут стимулировать процессы регионализации (автономизации) социально-политического пространства. На примере конфликта официального Киева с восточными регионами показано, что упомянутые факторы могут быть источником не только локальной, но и глобальной конфронтации различных политических регионов. В заключение автор приходит к выводу, что Россия нуждается в обновлении концептуальных подходов к стратегии своего позиционирования в системе региональной стратификации современного мира.

Ключевые слова: региональная стратификация политического пространства, региональная коллективная память, региональная идентичность, глобальная региональная стратификация, локальная региональная стратификация

Миры-экономики в региональной стратификации

Глобальная региональная стратификация имеет экономические измерения. Концептуально представления о ней даны в работах Ф. Броделя, который ввел в научный оборот понятие «мир-экономика». Мир-экономике он определяет с помощью трех существенных признаков:

— мир-экономика занимает определенное географическое пространство, у него имеются объясняющие его границы, которые, хотя и довольно медленно, могут меняться;

— мир-экономика всегда имеет центр, представленный господствующим городом;

— его срединную зону образует область, расположенная вокруг центра, а далее, вокруг срединной зоны, располагаются промежуточные зоны;

— и, наконец, следует весьма обширная периферия [Бродель 1993: 86]. Здесь, как мы видим, действует та же структура региональной страты, включающая в себя «центр», «периферию» и «границу».

Динамика системы «локальное — глобальное» в свете экономического регионализма может быть прослежена на примере строительства Европейского валютного союза [Курочкин 1999]. Введение единой валюты в странах Европейского союза привело к созданию нового крупного финансово-экономического региона. 9 июня 1998 г. был сформирован собственный капитал ЕЦБ в размере 4 млрд евро. В процентном отношении он, как известно, выглядел следующим образом: Германия — 24,4%, Франция — 16,8%, Италия — 14,9%, Великобритания — 14,7%, Испания — 8,8%, Нидерланды — 4,2%, Бельгия — 2,8%, Швеция — 2,6%, Австрия — 2,3%, Греция — 2,0%, Португалия — 1,9%, Дания — 1,6%, Финляндия — 1,3%, Ирландия — 0,8%, Люксембург — 0,1%. В соответствии с Маастрихтским договором общие золотовалютные резервы ЕЦБ должны были составлять 50 млрд евро (55 млрд долл. США), в основном в виде золотого запаса (10–20%), долларов США и японской

иены. Однако в связи с тем, что первоначально в ЕВС вошли не 15, а 11 стран ЕС, объем резервов был снижен до 40 млрд евро. Таковы были первоначальные параметры «великого объединения».

Дальнейшие события показали, что евро оказывает сильное влияние на состояние мировых финансовых рынков, прежде всего европейских. Для торговых партнеров стран ЕС появление единой валюты означает прежде всего возможность работы в более широкой, «наднациональной» валютной зоне евро с рядом преимуществ в виде сокращения издержек на совершение промежуточных операций при торговле товарами и услугами на национальных рынках ЕС, создания резервных фондов в евро в целях диверсификации своих авуаров и др.

Особое значение введение единой валюты имело для банковских систем стран ЕС, поскольку для них возникала принципиально новая ситуация: в связи с устранением последних барьеров на пути свободного перемещения капиталов и прозрачности ценообразования резко возрастает межбанковская конкуренция в самой зоне евро, исчезают валютные операции с денежными единицами стран ЕВС, происходит рационализация банковских структур и унификация банковской деятельности. Единая валюта привела к созданию более прозрачных границ между рынками и, следовательно, к большей концентрации и унификации. В новом поле межбанковской конкуренции в зоне евро постепенно формируется своя кредитная и бюджетная политика, которая позволяет одним банкам (и соответствующим странам) занимать положение «центра» этого мира-экономики (Германия, Франция), а другим — место на его «периферии» (Португалия, Испания, Греция). Германия и Франция одинаково претендуют на роль главного международного финансового центра зоны евро. Их противвесом остается Великобритания, которая остается крупнейшим финансовым центром Европы. Более того, по мере внедрения в зоне евро все более жесткой структуры финансового и бюджетного регулирования, привлекательность Великобритании в качестве своеобразного оффшорного центра может возрастать как применительно к евро-долларовым рынкам, так и применительно рынкам «евро-евро».

Континентальный экономический Еврорегион в другом измерении является континентальным политическим регионом, сформированным на платформе Шенгенского соглашения о передвижении товаров и граждан государств — подписантов соглашения. Он обладает своими правительственными структурами — законодательным и представительным Европарламентом и институтами исполнительного управления. Как экономический и политический регион ЕС постепенно принимает форму слабой конфедерации стран, в подоснове которой лежит совокупность регионов-стран с различными формациями национальной идентичности. При этом никакой сложившейся «европейской» социокультурной идентичности здесь нет (существуют только пилотные проекты, нацеленные на конструирование такой идентичности).

По мере становления в ЕС элементов конфедерации банкам и финансовым учреждениям третьих стран приходится решать вопросы адаптации своих финансовых систем к новой мировой валюте, а компании, заключающие сделки со странами — членами ЕВС, вынуждены проводить операции в евро. Поэтому проект Европейского валютного союза непосредственно связан с тенденцией глобализации в сфере финансов и попадает в разряд геофинансовых систем.

Геофинансы — относительно новый инструмент государственного суверенитета. Термин «геоэкономика» («геофинансы») появился примерно в конце 1980-х гг. в США благодаря консультанту Совета по национальной безопасности и государственного департамента США Эдварду Люттваку. В настоящее время уже достаточно утвердилась так называемая геоэкономическая точка зрения на мировые процессы. В частности, «с геофинансовой точки зрения финансовые ресурсы являются сырьем, наличие которого в каждый момент времени строго ограничено; поэтому в основе пользования финансовыми ресурсами лежит борьба за их источники; <...> финансовое сырье должно перерабатываться; способов переработки много. Геофинансы изучают вопрос, как стране-системе развить такие технологии, которые обеспечивают наибольшую добавленную стоимость к финансовому

сырью. <...> И наконец, геофинансы изучают долгосрочные аспекты не просто конкуренции между государствами, а конкуренции между странами-системами в пространстве почти абстрактном, внешнем по отношению ко всем государствам мира; и эта конкуренция, как по участвующим в ней субъектам, так и по объективным условиям, напоминает борьбу европейцев в “Атлантическом пространстве” XVI–XVII веков» [Карло, Савона 1997: 98].

С геоэкономической точки зрения деньги «являются каналом или, точнее, жидкостью, лимфой, которая соединяет все виды национальной и международной деятельности (и не только нацеленные на получение прибыли)» [Карло, Савона 1997: 106. «На самом деле – финансы – это канал проникновения, позволяющий контролировать извне страну-должника. Внешний контроль может быстро распространиться на все стороны экономической, а затем и социальной жизни» [Карло, Савона 1997: 118]. В результате «тот, кто обладает способностью воздействовать на процессы привлечения мировых финансовых ресурсов и определения процентных ставок и обменных курсов, автоматически приобретает возможность политического внедрения в суверенитет государства – *target*» [Карло, Савона 1997: 121]. Иначе говоря, государство – хозяин валюты, составляющей обязательную часть золотовалютных резервов крупнейших банков и государств мира, является одновременно «владельцем» («совладельцем») геофинансовой системы и способен осуществлять влияние в масштабе геополитическом.

Геофинансовый прецедент создали США. Вторая мировая война позволила Соединенным Штатам Америки закрепить свое военно-политическое присутствие в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, а вместе с тем – и присутствие финансовое. Реализованный в Европе «план Маршалла» можно считать первым этапом развертывания геофинансовой системы доллара. Можно говорить о том, что доллар США стал строительным материалом первой в мире геофинансовой империи. Известным противовесом ей была рублевая зона СССР (включая страны СЭВ), однако эта зона сформировалась в русле традиций эпохи национальной индустриализации и к упомянутому сроку держалась на репрессивно-политическом каркасе. К началу 1990-х гг., после распада СССР, рублевая зона сократилась, а долларовая геофинансовая империя США стала доминирующей.

Проект Европейского валютного союза нарушает монопольное доминирование доллара США в геофинансовой системе современного мира. Введение единой валюты в странах Европейского союза постепенно оказывает влияние на состояние мировых финансовых рынков, прежде всего европейских. На начальном этапе ЕВС объединил 11 стран ЕС, где было сосредоточено 38% золотых запасов мира. Принципиально поменялась структура золотовалютных резервов крупнейших банков Европы и мира. Эпоха единоличного господства геофинансовой системы доллара закончилась. В Европе медленно формируется новая геофинансовая система с населением более 300 млн чел., на долю которой приходится около 20% мирового ВВП и 20% мировой торговли.

Что меняет евро-проект в поле глобальной региональной стратификации? Он меняет границы геофинансового влияния в мире, что оказывает существенное влияние на мир-экономику России. На начальной стадии реализации организаторы Европейского валютного союза даже в своих официальных прогнозах предполагали возникновение для России целого ряда трудностей и убытков, связанных с переходом 11 европейских стран в валютное пространство евро. Это значит, что эффективность евро-проекта с самого начала строилась на ущербе, который понесут так называемые третьи страны.

Евро-проект кардинально меняет положение доллара в мировой финансовой системе, а значит и положение экономик, находящихся в долларовой зоне. Так, в частности, Куба в 1998 г. заявила, что в своей международной торговле заменит доллар США на евро. В 2002 г. о том же заявила Северная Корея, а в 2003 г. – Ирак: С. Хусейн заявил о переводе расчетов за иракскую нефть из доллара США в евро. Поскольку долларовая денежная масса начала вытесняться из Европы, «хозяева» доллара должны были решать проблему «переселения» ее на другие территории при условии максимально возможного сохранения присутствия доллара в Европе.

Упомянутое присутствие обеспечивается полицейскими намерениями НАТО (в Югославии, а далее — программой расширения НАТО на восток; в этом случае сохраняется американская система геополитического влияния, сочетающая военное присутствие с присутствием доллара), а также полицейскими действиями США и стран НАТО в районе Центральной Азии (односторонне выполненные ракетно-бомбовые удары по Ираку в декабре 1998 г., военное вторжение в Афганистан, Ливию и т.п.).

Для «переселения» части долларовой денежной массы в 1990-х гг. США были заинтересованы в «квартирах» в России и в других странах СНГ. С этим отчасти связано наращивание американского участия в новых нефтяных проектах в зоне Каспия. Под влиянием визита Б. Клинтона в Москву в сентябре 1998 г. В. Черномырдин во время своей неудачной попытки возвращения в кресло премьера заявлял о необходимости жесткой привязки рубля к доллару. Затем правительство Е. Примакова, уязвимее в решении злободневных вопросов облуживания внешнего и внутреннего долга России, заявляло о готовности России разрешить иностранным банкам, принадлежащим «империи доллара», входить в состав акционеров российских коммерческих банков. Иначе говоря, в системе геофинансовых отношений «доллар — евро» рублю предполагалась роль «оболочки», в которой доллар сможет «пересидеть» период реструктуризации финансового рынка в Европе. Европа, вероятно, была заинтересована в том, чтобы временно «сдать» Россию доллару в обмен на невмешательство доллара в дела стартующего евро.

В 1998 г. Стив Х. Хенке, эксперт института Като (США), распространил в научной среде России свой доклад о модели смешанной валютной системы для России [Hanke 1998]. Для него девальвация российского рубля в 1998 г. была предсказуема, особенно с точки зрения российской финансовой истории в целом. Он исходил из того, что находящиеся под влиянием государственного манипулирования финансы — это характерное для России явление со времен Петра Великого, которое показывает, что проблемы государственных финансов являются здесь типичными и не зависят от тех, кто контролирует Центральный банк. Царское, советское и постсоветское правительства, отмечает Стив Хенке, использовали Центральный банк для снижения финансового дефицита с помощью «станка», что приводило к высокой инфляции, конфискации сбережений, контролю капитала или комбинации всех трех последствий. Россия, по его оценкам, переживает предреволюционную политическую фазу. Экономика не является ни коммунистической, ни капиталистической. Россия не движется по направлению к рынку. Российская экономика 1998 г. переживает состояние тотальных дисфункциональных мутаций, свойственных старым коммунистическим системам.

Для установления финансовой стабильности, как считает эксперт, России следовало согласиться, чтобы доллар циркулировал наравне с российским рублем, чтобы институционализировать смешанную валютную систему, которая будет эмитировать рубли. Рубль, по потребности, будет полностью конвертируемым по фиксированному обменному курсу на доллар и будет на 100% обеспечен долларом. Эти практические изменения немедленно создадут, по его мнению, прочную валюту. Для России, однако, разработать смешанную валютную систему — это значит не допустить ни при каких обстоятельствах влияния на финансы ортодоксальных руководителей, как это было сделано в других странах в аналогичных случаях (Гонконг, Аргентина, Эстония, Латвия, Болгария, Босния). Это может быть обеспечено путем территориального перемещения Центрального банка России и финансовых институтов из столицы в провинцию — таким образом они будут защищены от политического контроля, а процесс «смягчения» валюты будет деполитизирован.

Автор доклада ссылается на то, что Россия уже имеет опыт введения параллельных валют. Впервые параллельная валютная система была применена в России в период Гражданской войны. Антибольшевистское правительство в районе Архангельска и Мурманска устанавливало валютный коридор совместно со своим союзником — британским правительством. Рубль, выпущенный Северной Россией, свободно конвертировался в фунты стерлингов и имел фиксированный

обменный курс по отношению к британскому фунту. Вторым случаем Стив Хенке считает ситуацию, когда параллельная валютная система была использована большевиками после завершения борьбы с врагами в ходе Гражданской войны. В начале 1920-х гг. Россия переживала суперинфляцию, сопоставимую по уровню и последствиям с суперинфляцией в Германии того времени. Для ее прекращения советское правительство под руководством В.И. Ленина использовало параллельную валюту – червонец.

Автор доклада убежден, что, избавившись от боязни долларовой фиксации российской валюты и от попыток изъять доллар, правительство Ельцина может совершить прыжок к процветанию. Благодаря наличию у России долларовых запасов президент Ельцин, по мнению эксперта, может совершить долгожданную быструю валютную фиксацию. Он может сделать это, дав немедленно доллару статус легальной валюты наличного обращения. Для управления такой валютной системой необходимо создать совет директоров из 5 чел., где трое должны быть не российскими гражданами и представлять Банк международных расчетов в Базеле (*Bank for International Settlements in Basel*), а двое – Россию.

Любопытно провести параллель между проектом европейского валютного объединения и рекомендациями по введению в России смешанной валютной системы. Дело в том, что, введение с 1 января 1999 г. безналичного евро на 3,5 года превращало территорию 11 стран – участниц валютного союза в зону смешанной валютной системы, т.к. безналичный евро фундировал хождение старой наличной валюты всех стран-участниц. Европейский проект для ЕС отличается от американского проекта для России прежде всего тем, что Европейский союз получает возможность с помощью своего проекта освободиться от геофинансового влияния США. А посредством российского проекта США получают возможность сохранить или усилить свое геофинансовое влияние на Евразийском континенте. Евро-проект – это начало геофинансового разделения Запада на блок «США + Великобритания» и блок стран – участниц ЕВС в пользу наращивания суверенитета Германии и Франции, в то время как российский проект Стива Хенке – это часть программы геофинансового освоения евро-азиатского пространства в пользу укрепления суверенитета США.

Сопоставимость статуса современного ЕС (слабая конфедерация, движущаяся в сторону усиления) и России (федерация с сильным центром) в системе глобальной стратификации миров-экономик позволяет говорить о сопоставимости масштаба финансовых систем. Евро, как и рубль, является валютой геофинансовой, поскольку обращается по региону континентального масштаба с той лишь разницей, что евро имеет центр управления в банках Германии и Франции и его хождение осуществляется в 17 странах Европы, а российский рубль обращается преимущественно в пределах России, и попытки расширить зону рубля до рамок Союзного государства Россия – Беларусь или до границ Таможенного союза (ТС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) пока не имеют результата, сопоставимого с достижениями евро. Обе валюты уступают по устойчивости доллару США, но обе являются его потенциальными конкурентами в геофинансовом мире.

В этой связи политическому руководству России стоило бы ясно определить, какое место и как займет рубль в геофинансовой системе мира в XXI в. А в стратегии с горизонтом планирования до 2090-х гг. есть 2 варианта. Первый – рубль окажется привязанным к доллару (или евро) и в этом качестве будет обслуживать суверенитет США (или ЕС). Второй – рубль будет вести на своей территории собственную игру, чтобы занять в современном геофинансовом раскладе место независимой силы (с учетом глобальной роли иены и юаня), и будет обеспечивать суверенитет России. Второй путь, очевидно, предпочтительнее с точки зрения сохранения суверенитета России в полном объеме, но он требует от руководства страны стратегической воли, грамотного управления национальной экономикой и немалых дипломатических усилий. Для этого, безусловно, необходимо развитие потенциала ТС и ЕАЭС, других геоэкономических альянсов с ключевым участием России.

Геополитические миры региональной стратификации

Принципиальным образом меняются границы геополитического влияния в Европе и в мире. Хелфорд Дж. Макиндер, один из основателей теории геополитического могущества США, сформулировал в 1919 г. геополитический закон, в соответствии с которым тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлендом; тот, кто доминирует над хартлендом, доминирует над Мировым островом; тот, кто доминирует над Мировым островом (Евразия), доминирует над миром. Евро-проект, как нетрудно понять, качественно снижает геофинансовое влияние «империи доллара» в Европе, а значит и геополитическое влияние США. Россия, занимающая основную часть географического пространства Мирового острова, естественно, оказывается в поле этих геополитических перемен.

После Второй мировой войны мир, как известно, пришел к согласию в том, что сложившиеся на период капитуляции Третьего рейха границы национальных государств должны быть забытыми, а суверенитеты — неприкосновенными. Позже эта норма была подтверждена в 1975 г. Хельсинкским Актом по безопасности и сотрудничеству в Европе. Но следует понимать, что географически проложенная государственная граница — это лишь часть того, что образует суверенитет государства. В другой своей части суверенитет связан с границами геополитического влияния, т.е. с границами политического влияния, простирающимися за пределы его собственной территории. С этой частью связана кардинальная проблема современных взаимоотношений глобальной политики. Состоит она в том, что территориальные границы суверенных национальных государств давно считаются объектом международного права, тогда как границы геополитические (при том, что они ничуть не меньшая реальность и не менее значимы для суверенитета) не нанесены на географические карты и до сих пор остаются объектом тайной политики, неофициальной политической дипломатии и не попадают в ведение международного права. А между тем, их контуры отражают присутствие и активность еще одного типа миров в системе глобальной региональной стратификации — миров геополитических. В их основе лежат транснациональные структуры и институты политического влияния и лоббирования, нацеленные на то, чтобы оказывать целенаправленное давление на политических акторов государств-мишеней с тем, чтобы те, повинаясь политической воле государства-лоббиста, строили свою «суверенную» политику по его целевым ориентирам. Геополитический мир, таким образом, так же как мир-экономика или этнокультурный мир, имеет свой «центр» (государство или группа государств, в интересах суверенитета которых осуществляется глобальное лоббирование), свою «периферию» (страны, которые оказываются агентами и/или целями лоббирования) и свои границы. Отсутствие четких и прозрачных международных регламентов существования и активности таких миров означает, что в системе международных отношений геополитические контуры (границы) суверенитетов по-прежнему устанавливаются посредством скрытых односторонних действий или насилия, а не на основе равных и всеобщих правоотношений субъектов международного права и международных отношений. Проблема суверенитета в этом аспекте была обозначена еще в 1944 г. на переговорах по вопросу о создании ООН. Так, на Конференции представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (1944 г.) британская делегация выражала мнение, в соответствии с которым ООН должна будет уважать политическую независимость государств, но уважение суверенитета не влечет за собой обязательство гарантировать его.

До сих пор вне ведения каких-либо международных институтов и ООН остаются вопросы определения, контроля трансформаций геополитических границ, а с ними — и вопросы обеспечения равных гарантий суверенитета для различных государств мира. Косвенно эти задачи решаются посредством международных соглашений по ограничению или запрещению различных видов вооружений, способных доставлять боевые заряды далеко за границы национальных государств — владельцев оружия. А проект расширения НАТО на восток — показательный пример того, как именно происходят изменения геополитических границ в Европе в интересах суверенитета США.

Проектом единого Европейского союза Европа, прежде всего Германия и Франция, делает шаг, направленный на защиту геополитических элементов своего суверенитета. Медленное движение ЕВС в сторону конфедерации государств Европы также участвует в изменении геополитической карты послевоенного мира. При этом, однако, инициаторы перемен на публике делают вид, будто ничего существенного не происходит, будто отдельные государства решают свои отдельные суверенные задачи, по отношению к которым государства за пределами ЕС являются «третьими странами», которых эти дела совершенно не касаются. Нетрудно показать, что инициаторы проекта расширения НАТО на восток (США) и инициаторы евро-проекта (Германия, Франция) ведут себя по отношению к геополитическим границам так же, как вели себя по отношению к территориальным границам национальных государств все инициаторы былых войн: они нарушают границы в одностороннем порядке. Последний громкий эпизод такого одностороннего действия со стороны ЕС — попытка в 2013 г. интегрировать Украину в зону свободной торговли ЕС, не принимая во внимание интересы России в этом регионе.

Важный урок евро-проекта связан с тем, что вся его подготовка и поэтапная реализация свидетельствует: мировой финансовый рынок, экономическая сфера регулируется не столько посредством механизмов биржевых спекуляций, сколько посредством механизмов политической дипломатии и администрирования (конечно, еще и при наличии мощной промышленности). Утверждение в Европе единой валюты — евро, регулируемой жесткими политическими и административными инструментами, обеспечит смещение поля валютных спекуляций на восток, в т.ч. на территорию России. Иначе говоря, усиление порядка на финансовых рынках Европы (вместо 17 валют — одна) ведет к увеличению волатильности на валютном рынке России и др. стран, обладающих независимыми, но менее мощными финансовыми системами. Финансы России действуют в обществе, сложность региональной стратификации которого сопоставима со сложностью системы региональной стратификации сообщества в границах ЕВС. Но России необходимо добиваться такого же технологического совершенства в управлении рублем, какое демонстрирует ЕС в управлении евро.

ЕВС, как уже отмечено, дал сильный импульс формированию конфедерации ЕС как нового субъекта геополитики и международных отношений, сопоставимого по своему статусу в системе европейской региональной стратификации с Россией. Население современных 19 стран зоны евро на территории ЕС составляет более 325 млн чел. (есть еще более десятка стран за пределами ЕС), а всего в государствах мира, пользующихся евро в качестве основной валюты или в которых собственная валюта привязана к евро, проживают около 500 млн чел. (население России на 01.01.2015 составляет лишь чуть более 146 млн чел.). В структуре социального пространства ЕС, объединенного единой административной границей, существуют все уровни региональной стратификации — от континентального до «дворового». Беглое сопоставление российских и европейских тенденций в этой системе стратификации позволяет заключить, что тенденции различны. Европейский прогресс движется в сторону новой конфедерации и предполагает принципиальное сохранение всей сложной внутренней системы региональной стратификации: в качестве социальных субъектов действуют и муниципальные территориальные страты, и субнациональные страты (земли, кантоны и т.п.), и та территориальная страта, которую занимают традиционные национальные государства Европы. Объединяющаяся Европа движется в свое новое будущее под знаком Европы регионов, и это движение она совмещает с проектом наращивания элементов государственности объединенной Европы.

В России сложная многоуровневая система региональной стратификации существует более 500 лет. Россия XX в. переживала постоянные колебания между толчками автономизации (федерализации) и централизации (унитарности). Реформы 2000–2015 гг. также сохраняют колебания по линии «федерализация — унитарность», причем элементы унитарного устройства на фоне экономического кризиса 2013–2015 гг. усиливаются. Экономическая самостоятельность субъектов федерации и муниципалитетов очень ограничена и обусловлена сильной зависимостью от

федерального бюджета и политики федерального центра. Страны – участницы ЕС обладают элементами суверенитета, тогда как для субъектов федерации в России это качество исключено. Поэтому в ситуации «холодной войны» и прямого столкновения экономических интересов ЕС и России последняя способна действовать как единый субъект, тогда как в стане ЕС вполне возможны «сепаратистские» настроения на уровне стран-партнеров. Так, в частности, Греция в марте–апреле 2015 г. предпринимает попытки эксклюзивного выхода из санкций, наложенных Россией на импорт продовольственной продукции из стран ЕС в Россию. Россия, со своей стороны, прилагает усилия по продвижению своих интересов в сфере поставки газа в Европу (через Турцию) посредством двусторонних переговоров с отдельными странами Европы (с Грецией – членом ЕС, Венгрией – кандидатом в члены ЕС, а также Сербией и Македонией).

В вопросах, касающихся геополитических миров современного общества, не может быть третьих стран, которых эти вопросы не касаются. Проект, изменяющий политическую конфигурацию отношений региональной стратификации на глобальном уровне, не может описываться и оцениваться только с позиций локального регионализма. Это значит, что всякий финансовый, экономический, политический, экологический и т.п. проект в той части, в какой он влияет на положение геополитических миров и границ, непременно должен быть предметом регистрации, наблюдения и ведения международных институтов и мирового сообщества. В противном случае многократно посрамившая себя практика вероломного поведения на международной арене будет воспроизводиться вновь и вновь.

Заключение

Глобальное пространство разделено на миры-экономики, этнокультурные и геополитические миры. Последние обладают решающими мощностями влияния на социально-политические процессы. Они объединяют группы стран, более или менее сплоченных и сообща реализующих внешнеполитический потенциал своих суверенитетов, лоббируя свои интересы через международные организации и глобальные СМИ. Главное следствие, вытекающее из такой оценки ситуации, состоит в том, что геополитические миры и их каналы глобального лоббирования необходимо выводить из тени, необходимо формировать механизмы прозрачного диалога этих коллективных субъектов глобальной региональной стратификации между собой. Российская дипломатия должна инициировать международные дебаты по вопросу о статусе геополитических границ, о правовой регистрации геополитических союзов на уровне ООН, о единых правилах геополитической деятельности и геополитического лоббирования в современном мире, о едином порядке контроля этой деятельности и пр.

В современной меняющейся геополитической системе мира перспективные и устойчивые позиции могут быть заняты Россией, если она вместе с союзниками инициирует в международных организациях (прежде всего, ООН) процесс выработки принципов международной регистрации геополитических союзов и их лоббистов, меняющих сложившиеся геополитические границы, – таких принципов, которые исключали бы односторонние действия любых акторов геополитики. Целостный и одновременно многополярный мир больших и малых политических регионов, живущих без войны, – таким мог бы быть идеал глобального политического устройства в будущем ХХII в. Дорогу к нему необходимо мостить уже сейчас.

Список литературы

Бродель Ф. 1993. *Динамика капитализма* (пер. с фр.). Смоленск: Полиграмма. 128 с.

Карло Ж., Савона П. 1997. *Геоэкономика*. М.: Ad Marginem. 208 с.

Курочкин Д.Н. 1999. Европейский валютный союз и Беларусь: проблемы, задачи, перспективы. – *Европейский Союз – шаг навстречу XXI веку*: сборник докладов международной конференции. Минск: Белфранс. С. 75-106.

Hanke S.H. 1998. The Case for a Russian Currency Board System. – *Cato Foreign Policy Briefing*. No 49. P. 1-11.

DAKHIN Andrei Vasil'evich, Dr.Sci.(Philos.), Professor, Head of the Chair of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603009; ADakhin@vvpaa.vvags.ru)

REGIONAL STRATIFICATION OF SOCIETY: GLOBAL AND LOCAL IN CULTURE, ECONOMICS, AND POLITICS

Abstract. The article is focused on the aspects of structural conditions and transformations of contemporary society in the light of the concept of regional stratification. Analyzing modern trends of transformation of cultural, economic and political spaces of modern Euro-Asian world, the author underlines the mission of state sovereignty and also describes some basic factors of regional diversity, in particular, collective memory's structure and identity. In combination with other economic and political factors, the collective memory and identity can stimulate processes of regionalization (decoupling) of a socio-political space. An example of the conflict between the official Kiev and the east regions of Ukraine shows that the basic factors can form not only local, but global confrontations of different political regions. In conclusion the author underlines, that Russia is in need of modernization of its approaches in strategy of positioning itself in the system of regional stratification in the contemporary world.

Keywords: regional stratification of political space, regional collective memory, regional identity, global regional stratification, local regional stratification

УДК 321

ИСАЕВА Елена Александровна – к.ю.н., доцент кафедры социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14; elenia2000@mail.ru)

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ ОРГАНАХ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования, направленного на анализ нормативной базы, закрепляющей механизмы формирования общественных советов при органах исполнительной власти в субъектах РФ. В рамках сравнительного исследования автор выявляет лучшие практики учета мнения граждан и общественных палат регионов при создании общественных советов. Автор проводит сравнительный анализ моделей формирования общественных советов по нескольким критериям, закрепленным в нормативной базе регионов.

Ключевые слова: общественные советы, общественные палаты, гражданская активность, электронная демократия

В субъектах РФ на протяжении последних 3 лет идет активный процесс формирования общественных советов при органах исполнительной власти. Одна из основных функций общественных советов – осуществление общественного контроля [Исаева 2013; Исаева 2014: 434].

На федеральном уровне разработан стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, утвержденный протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 29 мая 2014 г. № 4. Стандарт деятельности, который является фактически типовым положением об общественном совете, определяет компетенцию, порядок деятельности и формирования состава общественного совета федераль-